

Картина

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 1. М.: Худ. литература, 1970. С. 272 - 286.

I

На вечере у одного известного литератора, после ужина, между собравшимися гостями затеялся неожиданно горячий спор о том, бывает ли в наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Все единогласно высказались, что -- нет, такой дружбы не бывает и что теперешняя дружба многих испытаний совсем не может выдержать. В определении же причин, расторгающих дружбу, спорщики разошлись. Один говорил, что дружбе мешают деньги, другой -- женщина, третий -- сходство характеров, четвертый -- бремя и заботы семейной жизни, и все в таком роде.

Когда же спорщики, накричавшись вдоволь и ничего не выяснив, устали, тогда один почтенный человек, до сих пор в прения не вступавший, сказал:

-- Все, господа, сказанное вами, очень веско и замечательно. Однако я знаю в жизни пример, когда дружба прошла сквозь все перечисленные препятствия и осталась неприкосновенною.

-- И что же,-- спросил хозяин,-- эта дружба так до гроба и продолжалась?

-- Нет, не до гроба. А тому, что она пресеклась, была особая причина.

-- Какая же? -- спросил хозяин.

-- Причина очень простая и в то же время удивительная. Дружбу эту расторгнула святая Варвара.

Так как из гостей никто не понял, как это святая Варвара могла в наш меркантильный век разорвать дружбу, то все просили Афанасия Силыча (так звали почтенного человека) объяснить свои загадочные слова.

Афанасий Силыч на это улыбнулся и ответил:

-- Тут загадочного ничего нет. История эта простая и печальная, история страданий большого сердца. И если вам действительно угодно будет послушать, то я сейчас ее с удовольствием и расскажу.

Все приготовились слушать, и Афанасий Силыч начал свой рассказ.

II

В начале девятнадцатого столетия была известна богатством, знатностью рода и большою гордостью фамилия князей Белоконь-Белоноговых. Но сама судьба эту фамилию осудила на вымирание, так что теперь об ней уже нет и помину. Последний ее боковой отпрыск -- не в осуждение говорю -- кончил недавно свое земное поприще в аржановском доме (есть такой известный ночлежный вертеп в Москве) среди золоторотцев, пьяниц и разбойников. Но до него мой рассказ не коснется, потому что предметом его будет князь Андрей Львович, с которым и прекратилась прямая линия.

При жизни отца -- а это было еще во время крепостной зависимости -- князь Андрей служил в гвардии и считался одним из самых блестящих офицеров. Деньгам счету не знал, танцор, красавец, женский любимец, дуэлист,-- ну, чего еще, кажется? Однако, когда папаша скончался, князь Андрей службу бросил, как его ни уговаривали остаться. "Я, говорит, с вами пропаду здесь, а мне любопытно узнать все, что мне от судьбы определено".

Станный он был человек, своеобразный и, так сказать, фантастический. Лестно ему казалось всякую свою мечту сейчас же и на деле доказать. Как только схоронил он князя Льва Андреевича, так сейчас и закатился по заграницам. Удивительно, где его ни носило! Высылались ему деньги через всякие агентства и банкирские дома, то в Париж, то в Калькутту, то в Нью-Йорк, то в Сидней. Это все, опять повторяю, мне доподлинно известно, так как мой отец был у него главным управляющим над всеми его двумястами тысяч десятин.

Через четыре года воротился князь Андрей, исхудалый, бородищей оброс, сам от загара коричневый,-- и узнать трудно. Как приехал, да засел в своей пнищевской усадьбе, да надел халат, только его и видели. Заскучал.